Александр Тихонов

Родился в 1990 году в р. п. Большеречье Омской области. Живёт в Омске. Публиковался в коллективных сборниках, журналах, антологиях и в периодической печати различных городов России, в литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне». Автор книг стихов «Облачный парус» (Омск, 2014), «На вечном наречье» (Омск, 2020), романов «Охота на зверя» (Москва, 2016), «Синдром героя» (Москва, 2017). Лауреат ряда всероссийских и региональных литературных конкурсов и премий.

ШИТЬЁ ПО ЖИВОМУ

Жизнь соткана из удивительных мелочей, из разноцветных лоскутков, порой бережно подшитых к общему холсту, но чаще прихваченных наспех. Каждый лоскуток – встреча, событие, к которому пришиты другие.

Зимой 2020 года, когда Омск вымораживал «арктический фронт», а ртутный столбик стремительно уходил за отметку минус тридцать пять, я ехал в холодной маршрутке в Омский областной колледж культуры и искусства. Через весь город, с пересадками. Успел пожалеть, что не отложил свой визит в «Кулёк» до лучших времён. Но, если вдуматься, не было бы той поездки – и общее полотно лишилось бы нескольких важных лоскутков.

В небольшом кабинете Анны Фёдоровны Изотовой мы в тот морозный день разговаривали о колледже, о культурной жизни Омска. Именно она, бережно собирающая и хранящая документы об истории «Кулька», рассказывает студентам-первокурсникам, что они – продолжатели славной традиции «Тарской культпросветшколы», самым известным выпускником которой был поэт Леонид Чашечников.

Документы о жизни и творчестве Леонида Николаевича хранятся здесь же: его книги, грамоты, черновики – всё прислано самим поэтом и передано учебному заведению, которое в жизни Чашечникова значило немало.

Анна Фёдоровна, рассматривая фотографии, вспомнила, как в середине девяностых в колледж приехала писательская делегация. Какое мероприятие их сюда привело, мне неведомо. Гостей тут же взяли в оборот, повели на экскурсию, упомянув, что выпускником колледжа был поэт Чашечников, которого по незнанию назвали «покойным». Разные слухи доходили до Омска, контактов с альма-матер Леонид Николаевич практически не поддерживал, и сама собой возникала мысль, что он давно умер (как все большие писатели, видимо). Один из гостей вдруг встрепенулся: «Это мой друг! – эмоционально заявил он. – Лёня жив!» По крайней мере, именно так его эмоциональные реплики пересказала мне тем днём Анна Фёдоровна. Возмущённым другом Чашечникова оказался поэт Владислав Артёмов, ныне редактор журнала «Москва», рассказавший тогда, что именно он помог Леониду Николаевичу напечатать в журнале поэму «Русская Голгофа», за что мог если и не лишиться должности, то, как минимум, нажить немало проблем.

И я возликовал. Вот же! Я ведь знаю Артёмова, бывал на его литературных семинарах несколько раз: в Иркутске и Ульяновске. Окрылённый, обрадованный возможностью разузнать о Чашечникове больше, написал ему. Ответ был кратким и лаконичным, мол, да, Чашечников – один из наших авторов, но хорошо его не знал, порой общались. Пусть так, людская память избирательна, а сам Чашечников лёгким характером не отличался, как раз наоборот – мог рассориться даже с близким другом, да так, что тот годы спустя не захотел бы вспоминать. Но тогда, сидя в кабинете Изотовой, я был уверен, что вот сейчас нащупал выход на новый источник информации и Артёмов… Впрочем, и без рассказов современника понятно, что публикация поэмы «Русская Голгофа» была и остаётся если не гражданским подвигом, то уж точно поступком редкой

смелости. Чашечникову эту поэму недруги припоминали до конца его жизни – значит, задел, уязвил, вскрыл нарыв. Доходило до того, что поэт и филолог Марина Безденежных давала экспертную оценку о том, нет ли в стихах Чашечникова оскорбления отдельных народов. А нам стоит быть благодарными Владиславу Артёмову за публикацию поэмы и то эмоциональное: «Это мой друг!», ведь именно после его приезда в Омск Анна Фёдоровна нашла контакты Чашечникова и между ними завязалась долгая переписка. Пришиваем к полотну очередной лоскуток.

Много всякого намешано в душе и творчестве Чашечникова. Жизнь его помотала. И без того непростой в общении, он стал жёстче, безапелляционней. Но когда Анна Изотова впервые позвонила поэту и сказала в трубку, что она из Омска, Чашечников вдруг воскликнул:

– Омск, я люблю тебя!

Именно с таких слов началось их знакомство. Дружба? Возможно, что и дружба. Она писала поэту, расспрашивала, он отвечал то скупо и жёстко, то многословно. Впрочем, последнее – реже. К переписке с поэтом позже добавились письма от его родственников. Выяснилось, например, что созданный вокруг Чашечникова образ сироты войны, отец которого погиб на фронте, не более чем образ, и отец, Николай, не погиб, а был в те годы жив-здоров. Добавилась незначительная, казалось бы, мелочь – события из рассказа «Глухарь» оказались вымышленными. Узнаёшь это – и становится обидно, а с другой стороны – девочка, вымышленная девочка, осталась жива.

Сложный характер Чашечникова не обточила и семейная жизнь. Анна Фёдоровна рассказала про свою тёзку, первую жену Леонида Николаевича Анну, которая, по рассказам современников, была харизматичной и яркой, как раз такой, какая нужна поэту, чтобы потерять голову. А ведь и у самой Анны жизнь была непростой и ухабистой. Она – профессиональная и прилежная учительница, оказавшаяся в юности в центре любовной драмы. Задолго до знакомства с Чашечниковым Анна встречалась с парнем, которому была неверна. Ревнивый ухажёр пришёл к девушке с ножом и ударил её в горло, намереваясь убить, после чего ушёл прочь и покончил с собой. Но Анна выжила, хотя на всю жизнь на её шее остался шрам. «Анка недорезанная», – говорили люди. Словно просится сюда строка из стихотворения Аркадия Кутилова, тут она и должна быть пришита: «Я как раз такую и искал». Именно такую, непокорную, с грузом вины и тяжёлым характером, её встретил Леонид, который и сам был не сахарным.

Анна Фёдоровна, рассказывая эту историю, призадумалась, потом сказала: «И ссорились они…» Словно для Чашечникова это был эквивалент благостному «Жили долго и счастливо». Вот они – бьющие посуду, скандалящие молодые Анна и Леонид, расходятся после ссоры по разным углам общей избы. А за окнами воет пурга, быть может, такой же лютый мороз трещит. И они начинают возводить посреди избы стену. Натуральную, из кирпича, ругаясь и низводя поэзию жизни до грубой прозы. А потом мирятся, и всё заново. Верить ли рассказанной в его стихах истории об измене Анны? Или всё же здесь, как в истории с отцом-фронтовиком, много лирического героя? Одно можно сказать наверняка словами самого Чашечникова: «Поэтов было бы намного меньше, когда бы у поэтов всё сбылось». У него не сбылось, не сладилось. Тюрьма за невыплату алиментов? Была. Ломаная личная жизнь? В наличии. Хоть сейчас отдельную книгу пиши о нём.

Вспоминается и написанное Сильвановичем об Анне и Леониде: «Свадьба только называлась свадьбой. Каково же было моё удивление, когда я узнал в невесте... Анну. Лёша, как сам признался, с воскресенья “не просыхал” и теперь продолжал шутить, балагурить. Стол в пионерском лагере накрывали после вечернего горна. Я даже не поверил в серьёзность намерений этой беспечной

с виду пары. Ей-богу, можно было подумать, что жених и невеста просто всех разыгрывают, придумав забавную вечеринку. Только по прошествии многих лет станет понятно, во что каждому из них выльется эта “шутка”. <…> он был обречён на любовь к одной женщине. Она жила в нём, сжигала, травила, окрыляла и несла по жизни»[1].

Кто-то скажет: «Ну и зачем ты роешься в чужом грязном белье? Оставь поэта в покое!» Мне и самому неприятно читать дневники писателей (благо, не было у Чашечникова такого дневника, или же мы о нём не знаем), слушать пересуды о них – будто лезешь в чужую жизнь, топаешь грязными сапожищами по вымытому полу. Тут у вас вчера строили стену из кирпичей? Тут женщина кричала на какого-то Лёньку? Тогда я к вам…

Но как не выкинуть из хорошего стихотворения строку, не осиротив его, так и из общего полотна не вырвать отдельный лоскут. Как бы мы ни хотели, а останется прореха и вопрос: а почему тут пусто? Почему сквозит оттуда? И вместо правды захочется прикрыть брешь заплаткой из красивой лжи. Лучше правду, тем более практически всю её Леонид Николаевич выкладывал без утайки в письмах к Анне Изотовой (а имя Анна в его жизни появляется часто).

Не прошло и недели после того визита в колледж, как мне на просьбу написать о своём знакомстве с Леонидом Чашечниковым ответил поэт Виктор Викторович Карпушин, с которым мы познакомились несколькими годами ранее на сайте «Российский писатель». В письме он сообщил: «Мне довелось общаться с ним в 90-х годах прошлого века. В то время поэт жил в стандартной девятиэтажке в микрорайоне “Новый Свет” подмосковной Балашихи по адресу улица Звёздная, дом 8. О Леониде Чашечникове мне рассказал другой поэт, лауреат премии Ленинского комсомола и других литературных премий, автор нескольких поэтических книг Николай Дмитриев».

Карпушин вспомнил, как впервые оказался в гостях у Чашечникова. Незначительные для обывателя детали были цепко подмечены поэтом. Он видел творческий процесс, хаос на рабочем (всё же кухонном) столе человека, который, быть может, в эти минуты создавал новое стихотворение: «…проводил меня на кухню, где стоял аромат свежесваренного кофе, а на столе среди чашек, пепельницы и вазочки с несколькими стебельками белого и жёлтого донника лежали листочки со стихами, отпечатанными на пишущей машинке, над которыми, видимо, работал поэт».

Далее – ещё одна деталь: «…Много воды утекло с тех пор. Но мне и теперь вспоминаются прутики вербы над входной дверью в квартире поэта – своеобразный оберег от всего чуждого в русской поэзии и жизни. Освящённые вербы из православного храма Преображения Господня, прихожанином которого был раб Божий Леонид – русский поэт милостью Божьей».

Говоря о характере Леонида Николаевича, Карпушин отмечает: «Мой литературный наставник был открытым и бескорыстным, постоянно повторял: “Поэзия – дело кровавое!”, имея в виду, что каждая строчка, каждое стихотворение должны быть выстраданы и прочувствованы, пережиты и осмыслены…» В качестве примера личностных качеств Чашечникова собеседник привёл случай с публикацией стихов Леонида Николаевича в балашихинской районной газете «Знамя коммунизма»[2] в марте 1989 года. Тогда была опубликована большая подборка стихов, которую, по выражению Виктора Карпушина, «предваряла “врезка”» – своего рода предисловие от самого Чашечникова, его обращение к балашихинским читателям.

Вот эти строки: *«Вот уже около двух лет живу я в Балашихе, и надо бы, наверное,*

---

[1] Чашечников, Л. Цветы и тернии любви: сборник избранной лирики / Л. Чашечников; сост. и биогр. очерк М. И. Сильванович. – Москва: Омское землячество, 2013. – 315 [5] с.

[2] Знамя коммунизма [Балашиха] : районная газета. – 1989. – 26 марта.

познакомить моих нынешних земляков с тем, что я делаю. Но прежде чем вести разговор дальше, давайте познакомимся с вами. Я автор восьми поэтических книг. На выходе девятая и десятая: июнь 1989 г. в "Современнике" – будет она называться "Лебедь-песня", и в девяностом году выходит очередная книга в "Советском писателе" – "Полынь". Сданы рукописи в "Воениздат" и "Молодую гвардию". Но это уже дело более отдалённого будущего.

Мне 56 лет, по рождению я сибиряк и добрую половину жизни прожил за Уралом, но 17 лет отдано Нижней Волге, Астрахани. В Москву переехал относительно недавно, в начале восьмидесятых, окончив Высшие литературные курсы Союза писателей СССР при Литинституте имени А.М. Горького. А до этого была жизнь, всякая… Был клубным работником, шахтёром, слесарем, наладчиком станков на одном из оборонных заводов, плотником-бетонщиком, полтора десятка лет отдано журналистике. Я и теперь внештатный спец. корр. газеты "Советская Россия". Словом, всё в жизни было.

Пусть вас не смущают гонорарные соображения. Знаю возможности районки (сам был несколько лет ответственным секретарём), заранее отказываюсь от начисления гонорара.

С уважением Леонид Чашечников»

Виктор Викторович отмечает, что важным здесь стало и то, что отказ Чашечникова от гонорара редакция газеты восприняла как сигнал для позитивного поступка, написав: «Принимая во внимание, что автор отказался от гонорара, мы решили перечислить его на счёт №701201 на строительство Балашихинского дома-интерната для престарелых».

Красной нитью через письмо Карпушина прошла мысль о поэме Чашечникова «Русская Голгофа»: «Когда поэт работал над поэмой "Русская Голгофа" и когда мы с Николаем Дмитриевым навещали "новосветского затворника" (Леонид Николаевич жил один и не очень любил, когда гости слишком засиживались, хотя всегда встречал посетителей радушно), иногда он читал готовые фрагменты большого эпического полотна, записывал главы поэмы на катушечный магнитофон и давал нам послушать поэму в авторском исполнении. Поэма "Русская Голгофа" была напечатана в февральском номере 1996 года журнала "Москва", и когда Леонид Николаевич подарил мне экземпляр издания, то он сделал дарственную надпись: "Виктору Карпушину, одному из многих моих крестников в русской поэзии. На добрую память" – и размашистая подпись поэта, с датой: 10.III.1996 г. Поэма состояла из семи глав и заканчивалась так:

Мы грешны и небессмертны,
Только знайте: неспроста
Мы терпели и потерпим
До пришествия Христа!»

Кажется, судьба вновь и вновь сводит меня с теми, кто знал Леонида Чашечникова, дружил с ним, помогая пришить разрозненные лоскутки один к другому. Они, помнящие своего товарища, помогают выстраивать всё новые связи, искать всё новых людей. Однажды кто-нибудь, как Анна Изотова, обязательно расскажет о поэте то, что иначе мы никогда бы не узнали, кто-то воскликнет, как Артёмов: «Это мой друг!» или тут же откликнется и запишет свои ценные воспоминания, как Виктор Карпушин.

А я всё о том же: наша жизнь соткана из удивительных мелочей, из разноцветных лоскутков, порой бережно подшитых к общему холсту, но чаще прихваченных наспех. Каждый лоскуток – встреча, событие, к которому пришито пять, десять, пятнадцать других. Быть может, сейчас, когда вы читаете эти строки, кто-то в Таре или Омске, Подмосковье или Астрахани восклицает: «Это мой друг!» И рассказывает нам о поэте, позволяя из отдельных лоскутков собрать единое полотно: творчество и быт, радости и горести – всё в дело, всё важно и нужно. Игла идёт всё увереннее, стежки всё ровнее. Набиваю руку...